

Глава 1

Двадцать пятый год эры Юнсюань, шестнадцатый день второго месяца.

В это время года тепло лишь начинало вступать в свои права, и предрассветный ветер пятой стражи всё ещё разил подобно острому лезвию. Однако в поместье министра Чжу, что в западной части столицы, слугам волей-неволей пришлось начать свой день задолго до рассвета.

Чжу Цзылин изо всех сил подавлял инстинктивное желание нанести ответный удар, позволяя присланной из императорского дворца свахе накладывать грим и очищать лицо нитью.

Всё верно: сегодня был день свадьбы старшего законного сына министра ритуалов, молодого господина Чжу. Однако, будучи мужчиной, Чжу Цзылин выступал вовсе не в роли жениха, ведущего в дом невесту — ему самому предстояло стать супругом.

Сваха, которой впервые в жизни довелось готовить к свадьбе мужчину, поначалу опасалась, что хлопот будет в разы больше, чем обычно. Но едва она приступила к делу, как из её уст невольно вырвался вздох восхищения:

— Кожа у молодого господина просто чудесная, пушка почти не видать. Мне и стараться-то особо не пришлось.

Когда же Чжу Цзылин облачился в свадебные одежды и слуги уложили его волосы, присутствующие и вовсе застыли, не в силах отвести глаз.

Юноша был необычайно красив: безупречные черты лица, кожа, подобная тёплому нефриту. В свои семнадцать-восемнадцать лет он обладал тем особым благородством и изяществом, что свойственно лишь юности. Алый, расшитый золотыми нитями наряд лишь подчёркивал его яркую красоту и чистоту взгляда, а тяжёлый каскад чёрных волос, собранный под золотым венцом с нефритом, выгодно контрастировал с праздничным одеянием, делая фигуру юноши ещё более статной.

Жаль только, что такому редкостному красавцу суждено было не просто выйти замуж подобно женщине, но и разделить ложе с самим Ли-ваном — тем, для кого убить человека было столь же привычно, как моргнуть.

Придя в себя, она лишь горче вздохнула. Чем больше женщина любовалась юношей, тем сильнее в её душе росло сострадание.

Весь мир знал, что Ли-ван, Жун Чжао, отличался невероятной жестокостью и вспыльчивым нравом — он был «звездой бедствий», от которой следовало держаться как можно дальше. Рассказывали, что даже после победы в войне он приказал зверски казнить десятки тысяч

пленных, а однажды прямо в тронном зале, на глазах у императора и всех чиновников, собственноручно расправился с министром. К тому же, князя считали проклятым для близких: покойная императрица скончалась в муках при его рождении, а три его бывшие невесты, знатные красавицы из благородных семей, либо умирали, либо сходили с ума, так и не дождавшись дня свадьбы.

С тех пор никто не осмеливался вступать в родство с Ли-ваном.

Ныне Жун Чжао исполнился уже двадцать один год, но у него не было ни жены, ни даже наложниц. Дурная слава шла впереди него, и каждый боялся даже тени этого человека. Однако десять дней назад император внезапно издал указ, дарующий старшего сына министра Чжу принцу в качестве «мужчины-ванфэй», чем поверг в изумление всё государство.

В указе говорилось, будто Императорское астрономическое управление предсказало: проклятие Ли-вана распространяется лишь на женщин, и брак с мужчиной поможет избежать беды. Но мало кто в это верил. Большинство сходилось во мнении, что Чжу Цзылину, избранному на роль супруги князя, осталось жить недолго, и судьба его поистине достойна жалости.

По сей день из его поместья время от времени выносили тела погибших, и никто не пытался это скрыть. Сам Жун Чжао был непредсказуем, не считался ни с кем и порой игнорировал даже слова императора. Его привычка убивать по малейшему поводу наводила на людей ледяной ужас.

Такой прекрасный и юный господин Чжу, стоило ему переступить порог этого дома, фактически прыгал в огненную яму. Будущее его казалось беспросветным: даже если проклятие не заберёт его жизнь, он в любой момент мог пасть от меча собственного мужа.

Интересно, как у министра Чжу поднялась рука отдать собственного сына на такую участь?

Пожилая женщина видела, что Чжу Цзылин хоть и сохраняет спокойствие, но выглядит каким-то озабоченным, и в её сердце вновь шевельнулась жалость.

«Оно и понятно, — думала она. — Пусть титул супруги принца первого ранга для многих и предел мечтаний, но какому мужчине захочется быть запертым во внутренних покоях, да ещё и с таким тираном? Против воли императора не пойдёшь...»

Сваха тихо вздохнула, но тут же напустила на себя торжественный вид, не смея омрачать императорский праздник своим унынием. Однако, если бы она знала, о чём на самом деле думает её подопечный, она бы наверняка лишилась дара речи от изумления.

Ведь он был очень даже не против!

Чжу Цзылин вовсе не терзался из-за предстоящего брака с Ли-ваном. Его печалило лишь то, что в четвёртой страже его вытащили из постели — гораздо раньше, чем он обычно просыпался от голода. Завтрак пришлось проглотить в спешке, и теперь в желудке снова начинало предательски сосать.

Когда Чжу Цзылин не чувствовал себя сытым, он мгновенно терял всякое ощущение безопасности.

— До приезда свадебного кортежа ещё долго? — не выдержал он. — Я проголодался, можно мне сейчас чего-нибудь перекусить?

Сваха опешила и тут же запротестовала:

— Ни в коем случае! Вы испортите грим. А если на свадебные одежды попадёт жирное пятно, что мы будем делать?

Лицо Чжу Цзылина мгновенно исказилось от разочарования. Глядя на его нахмуренные брови, она почувствовала неладное.

«Странный этот старший молодой господин Чжу... О чём он только думает в такой момент? С завтрака едва прошло больше часа, неужели он уже голоден?»

Для обычного человека это действительно было бы странно, но Чжу Цзылин в прошлой жизни умер именно от голода.

Будучи перерождённым, Чжу Цзылин уже прожил в государстве Великая Ци двадцать лет, прежде чем встретить свою смерть. Однако после кончины он не попал к мосту Найхэ и не испил отвара забвения, а перенёсся в мир будущего, отстоящий от его времени на тысячи лет.

Это могло бы стать великой удачей, но вскоре тот мир погрузился в бездну апокалипсиса.

То, что люди превращались в монстров-зомби, не было главной проблемой — огнестрельное оружие будущего позволяло с ними справляться, к тому же у многих открылись особые способности, иньин. Чжу Цзылин обладал сразу двумя — ментальной и целительной, так что мог защитить себя.

Настоящая катастрофа заключалась в том, что еда стала величайшей редкостью. Растения гибли, запасы продовольствия иссякли, и люди выгребали всё, что хоть отдалённо напоминало пищу. Без еды, каким бы могущественным ни был иньин, финал оставался один — смерть.

В последние годы апокалипсиса Чжу Цзылин ежедневно страдал от такого головокружения, что не раз думал: если он уснёт, то больше не проснётся. Лишь благодаря своим способностям он умудрялся выживать бесконечные дни и ночи, терзаемый голодными муками. Каждый раз,

когда во сне ему грезились роскошные пиршества, его пробуждал яростный урчащий звук в животе, и он открывал глаза, видя лишь безжизненную пустошь умирающего мира.

Чжу Цзылин думал, что и в этот раз всё закончится так же, но, открыв глаза, обнаружил себя в теле юноши, в своей первой жизни.

Два дня напролёт он ел без остановки, едва не доведя себя до заворота кишок, пока окончательно не убедился: это не сон. Он действительно вернулся из ада апокалипсиса.

И хотя теперь он находился в мирной и спокойной Великой Ци, отчаяние тех лет выжгло след в его душе, превратив еду в главную страсть и навязчивую идею.

Поэтому, несмотря на запрет свахи, Чжу Цзылин продолжал настаивать:

— Но если я сейчас не поем, у меня просто не хватит сил выстоять свадебную церемонию. Что тогда будем делать?

В последние дни он ел практически непрерывно, и сегодня ради свадьбы уже и так изрядно сдерживал аппетит. Чжу Цзылин всерьёз опасался, что если голод станет невыносимым, он либо вылезет из паланкина на полпути, либо сбежит в поисках еды прямо во время поклонов.

Сопровождающая слушала его с нарастающим недоумением. Ну кто в здравом уме падает в обморок от голода спустя час после еды? Однако люди из поместья Чжу, посоветовавшись, всё же принесли ему несколько блюд со сливовым печеньем и сладостями, которые не оставляли жирных следов.

Едва увидев еду, Чжу Цзылин просиял. Не дожидаясь, пока его остановят, он тут же отправил кусочек в рот.

Едва лакомство коснулось его языка, как вся тревога на лице юноши исчезла, сменившись выражением непередаваемого блаженства. В этот момент благородный молодой господин выглядел как ребёнок, получивший заветную сладость.

Сваха замерла. Видя, как он уничтожает тщательно наложенный слой помады на губах, она поначалу хотела возмутиться, но в последний момент передумала.

«Ладно уж, — подумала она с горечью. — В каком-то смысле это его "последняя трапеза", пусть поест всласть»

Она наблюдала, как Чжу Цзылин один за другим поглощает десерты. Несмотря на скорость, он не выглядел грубым или жадным; его движения были изящны, и это лишь вызывало у женщины ещё большую симпатию.

В это время свадебный кортеж уже двигался по улицам столицы.

Ли-ван, Жун Чжао, величественно восседал на коне. Выражение его лица было привычно мрачным и холодным — казалось, он едет не за невестой, а за пленным, которого намерен бросить в темницу.

Хотя его неземная красота могла бы покорить немало девичьих сердец, при одном упоминании титула «Ли-ван» любые романтические грезы развеивались. Даже алые свадебные одежды не добавляли его облику теплоты; напротив, они вызывали ассоциации с кровавыми брызгами на полях сражений, отчего случайные прохожие бледнели, а в их душах поселялся страх.

Свадьба принца крови обычно была для простолюдинов любимым зрелищем: любопытство к жизни императорской семьи смешивалось с надеждой подобрать брошенную в толпу монету. Но когда дело касалось Жун Чжао, люди не смели ни кричать, ни приближаться, наблюдая за процессией издалека. Когда принц проезжал мимо, толпа расступалась в молчании, боясь привлечь внимание этого человека.

Чистокровный скакун Ли-вана, великолепный паланкин, украшенный золотом и самоцветами, сама невероятная новость о том, что принц берет в жёны мужчину — всё это могло бы стать темой для бесконечных разговоров, но люди боялись даже вздохнуть. Если бы не приглашённый оркестр, усердно исполняющий праздничные мелодии, никто бы не поверил, что это свадебная процессия.

Кроме музыки и мерного стука копыт, не было слышно ни звука. Слуги и стража в свите принца тоже не выглядели радостными — их лица были серыми от напряжения.

В этой гнетущей, почти зловещей атмосфере Жун Чжао прибыл к воротам поместья министра Чжу.

Если путь сюда не напоминал свадьбу, то и встреча гостей в поместье была далека от традиций. Вероятно, Ли-ван был слишком страшен: никто не осмелился ни преграждать путь паланкину, ни требовать выкупа. Как только принц прибыл, Чжу Цзылина немедленно вывели и передали ему.

Ритуал для мужчины, выходящего замуж, был не столь сложен, как для женщины, но в поместье Чжу решили упростить даже его. От него избавились так поспешно, словно провожали не сына, а духа поветрия, стараясь поскорее спровадить свадебный кортеж.

С головой, покрытой алой накидкой, Чжу Цзылин шёл, ведомый красной шёлковой лентой. Он не видел, как выглядит Жун Чжао, лишь чувствовал, что второй конец ленты перешёл в руки его будущего супруга. Это означало, что отныне его судьба связана с этим человеком. Затем его провели в паланкин, и кортеж тронулся в обратный путь — к поместью Ли-вана.

Те немногие смельчаки из горожан, что решились наблюдать за происходящим, лишь

сокрушённо качали головами. Когда Жун Чжао скрылся из виду, они наконец дали волю языкам:

— Бедняга этот мужчина-ванфэй, министр Чжу, похоже, совсем его не жалеет.

— Я слышал, что этот старший молодой господин — всего лишь пустая оболочка. Красив, но в науках ни смыслит, да и нрава не самого лучшего. Министр его всегда недолюбливал.

— Недолюбливал или нет, а всё же родной сын. Так поспешно бросить его в огненную яму...

— Эх, император издал указ, что тут поделаешь?

— Интересно, действительно ли Ли-ван не проклинает мужчин-супругов на самом деле...

— Судя по лицу Ли-вана, он совсем не рад женитьбе на мужчине. Боюсь, этот господин Чжу долго не протянет.

— С другой стороны, размах свадьбы поражает. Одних только даров от жениха было сто двадцать восемь сундуков, а приданое и вовсе в два раза больше — двести пятьдесят шеть! Может, министр всё же позаботился о сыне?

— Да Ли-ван столько раз был помолвлен, и каждый раз дары оставались у него, неудивительно, что он богат. Думаешь, он правда полюбил этого парня?

...

Пока толпа сочувствовала Чжу Цзылину, сам он, сидя в паланкине, вовсе не испытывал тревоги. Убедившись, что носильщики идут ровно, он бесцеремонно скинул алую накидку, достал из широкого рукава припрятанный сверток с печеньем и принялся с удовольствием его уплетать. Поскольку запасов было немного, он больше не заглывал их целиком, а тщательно пережёвывал каждый кусочек, наслаждаясь вкусом.

Однако из-за отсутствия зевак кортеж под предводительством Жун Чжао двигался невероятно быстро. Чжу Цзылин не успел доест, когда паланкин опустили на землю.

Юноша вздрогнул. Понимая, что сейчас занавес откинут, он быстро запихнул остатки сливового печенья в рот, сунул масляную бумагу под подушку сиденья и поспешно набросил на голову накидку.

Когда занавес подняли, Чжу Цзылин выглядел как само воплощение покорности. Ведомый шёлковой лентой, он вышел из паланкина, едва заметно — под прикрытием ткани — дожевывая остатки еды.

Но не успел он сделать и двух шагов, как человек на другом конце ленты внезапно замер.

«?»»

Чжу Цзылин в замешательстве тоже остановился, воспользовавшись моментом, чтобы незаметно проглотить остатки печенья.

«...»

Жун Чжао пристально наблюдал за тем, как кадык его будущего супруга совершил отчётливое движение. Заметив, что алая накидка на голове юноши лежит немного иначе, чем раньше, принц едва заметно прищурился.

Окружающие ничего не заметили, но внезапная остановка принца повергла их в трепет. Никто не осмелился ни спросить, ни напомнить о церемонии.

К счастью, Жун Чжао не заставил их долго ждать. Он ещё несколько мгновений смотрел на Чжу Цзылина сквозь плотную ткань, а затем с ледяным лицом развернулся и продолжил путь.

Сама церемония поклонов прошла без происшествий. Хотя князь явно не питал уважения к ритуалу и лишь слегка склонял голову вместо полноценного поклона, никто не смел возразить. Как и в поместье Чжу, все хотели поскорее закончить с этим, и вскоре молодых отправили в опочивальню.

Чжу Цзылин только успел опуститься на край расшитого алыми узорами ложа, как с него сорвали накидку.

Жун Чжао не стал использовать традиционный жезл, лежавший на столе; он просто нетерпеливо сдёрнул ткань рукой и отбросил её в сторону. Теперь он стоял перед своим супругом и изучал его сверху вниз.

Заметив в уголке губ юноши крошечную крошку неведомой еды, Жун Чжао помрачнел ещё сильнее. Все его предыдущие невесты, едва узнав о помолвке, либо впадали в истерику, либо притворялись безумными от страха. Этот же парень не выказывал ни страха, ни обиды. Более того, у него хватило наглости тайком есть во время церемонии?

Чжу Цзылин, ослеплённый внезапным светом, слегка приподнял голову. Его взгляду предстало лицо, полное ледяной ярости, но настолько ослепительно красивое, что юноша невольно замер.

После того как было объявлено о его браке с Ли-ваном, все считали, что он живёт в

постоянном страхе и проливает слёзы. Его отец-министр и вовсе опасался, что сын пойдёт на открытый бунт против императорского указа.

Но на самом деле Чжу Цзылин был вне себя от радости!

Ибо только он знал, что этот четвёртый принц Жун Чжао, которого сейчас все презирали и боялись, в будущем станет новым императором Великой Ци, объединившим под своей властью все земли.

Чжу Цзылин не стремился к власти или славе. Он просто мечтал о неограниченном доступе к императорской кухне... Переродившись, он не желал ничего, кроме как быть сытым и пробовать лучшие блюда мира. А кто в этом мире мог сравниться возможностями с императором?

Один приём пищи императора — это сотни блюд. Лучшие ингредиенты со всей страны стекаются во дворец. Если ему перепадёт хотя бы малая часть этого изобилия, Чжу Цзылин будет абсолютно счастлив. Ради такого «золотого билета» на питание он был готов на всё!

Конечно, если бы кто-то узнал о его истинных мотивах, его бы сочли сумасшедшим.

Чжу Цзылин думал только о еде и мало заботился о личности самого Ли-вана. Он и представить не мог, что будущий тиран окажется настолько красив — черты его лица были практически совершенны. И хотя от него исходила пугающая аура мощи и жестокости, Чжу Цзылина, видевшего зомби в упор, это не могло впечатлить.

Это лицо показалось ему странно знакомым. В своей прошлой жизни он лишь изредка присутствовал на дворцовых пирах и никогда не видел императора вблизи. Возможно, такая яркая внешность просто оставляла след в памяти, даже если взглянуть на человека мельком.

Чжу Цзылин невольно выдал своё восхищение взглядом. Заметив это, Жун Чжао замер, его тёмные глаза сверкнули странным блеском. Он внезапно наклонился вперёд, словно намереваясь коснуться лица юноши.

Чжу Цзылин инстинктивно дернулся назад, но вовремя сдержал себя, не давая воли боевым рефлексам. В итоге он оказался полулежащим на кровати, опираясь на локти и беспомощно глядя на склонившегося над ним мужчину.

Юноша приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но Жун Чжао, прищурившись, придвинулся ещё ближе. Он перехватил тонкое запястье супруга и в следующее мгновение уже прижал его к мягким подушкам, нависнув сверху. Его колено упёрлось в край ложа.

Их чёрные волосы рассыпались по алому шёлку, переплетаясь друг с другом. В мерцающем свете свечей эта сцена выглядела пугающе интимной. Мужчина был так близко, что их

разделяли считанные дюймы, и Чжу Цзылин напрягся всем телом, подавляя желание атаковать.

Взгляд Жун Чжао стал глубоким и тяжёлым. Он скользнул по руке юноши, вцепившейся в покрывало, задержался на его лице и внезапно — длинными пальцами — крепко сжал подбородок Чжу Цзылина. Он заставил его ещё сильнее запрокинуть голову, обнажая незащищённую белизну шеи.

Они чувствовали дыхание друг друга. Видя своё отражение в чёрных зрачках принца, Чжу Цзылин окончательно растерялся.

«Погодите! — мелькнуло у него в голове. — Это... это что, он собирается меня поцеловать?»

Неужели этот Ли-ван решил перейти к делу прямо сейчас, даже не дождавшись конца свадебного пира?

«Но... разве он не бессилён в этом плане?!»

В памяти Чжу Цзылина Жун Чжао даже после восшествия на престол не заводил себе ни жён, ни наложниц. До самой смерти Чжу Цзылина его гарем оставался пуст. Министры ежедневно умоляли его продолжить род, но император лишь гневался, а иногда и казнил просителей. Какое ещё объяснение могло быть, кроме его физической неспособности?

Почему же сейчас Ли-ван ведёт себя так, будто готов забыть о гостях ради этой ночи?

Чжу Цзылин замер от удивления. Видя, что Жун Чжао пристально смотрит на него и больше ничего не предпринимает, он непроизвольно облизнул губы. Это движение, казалось, задело принца — он внезапно нажал большим пальцем на уголок губ Чжу Цзылина и с каким-то странным, почти чувственным усилием провел по коже.

— М-м.

Грубые мозоли на пальце принца, оставленные годами тренировок, ощутимо царапали кожу. Его взгляд был подобен тёмному омуту, способному поглотить без остатка.

Чжу Цзылин нахмурился от лёгкой боли и наконец разомкнул губы:

— Вы...

Но не успел он закончить, как Жун Чжао резко отстранился. Он поднялся, отпустив его руку, и, больше не удостоив супруга ни единым взглядом, молча вышел из комнаты.

«...»

Чжу Цзылин медленно сел на кровати, глядя на захлопнувшуюся дверь. Он чувствовал себя совершенно сбитым с толку.

Ну... вряд ли он вдруг вспомнил про гостей и испугался, что не сможет остановиться? Чжу Цзылин покачал головой. Это было маловероятно.

Трудно было понять, что только что произошло.

Юноша задумчиво коснулся уголка губ, где всё ещё ощущалась боль от нажатия, и внезапно его пальцы наткнулись на что-то влажное. Должно быть, это был масляный след от того самого печенья, которое он тайком ел в паланкине...

Чжу Цзылин:

«...»

<http://bllate.org/book/15829/1427858>